https://doi.org/10.22455/2686-7494-2026-8-4-354-385
https://elibrary.ru/HOULLS
Научная статья и публикация архивных материалов
УДК 821.161.1.09"19"

© 2026. Е. Е. Дмитриева
Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук
г. Москва, Россия

Тригорская барыня: загадка архивных материалов, хранящихся в Рукописном отделе ИРЛИ РАН

Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00051-П, https://rscf.ru/project/22-18-00051/

Аннотация: Среди тех, кто сумел скрасить А. С. Пушкину годы Михайловской ссылки, П. А. Осипова-Вульф занимает особое место. Неоспоримо ее участие в его судьбе в 1824–1825 гг., когда она пыталась оградить поэта от неприятностей. По сей день обсуждается вопрос ее возможной влюбленности в Пушкина в 1825 г. и вследствие этого ее жесткого поведения с дочерью Анной, которую она оставила в тверском имении Малинники, не позволив вернуться в Тригорское. Совершенно иной свет проливают на личность Осиповой-Вульф хранящиеся в Рукописном отделе Института русской литературы немецкие письма Карла Аскана графа Верри делла Бозиа, баварского офицера, по невыясненным причинам оказавшегося в 1812 и 1813 гг. в Тригорском. В статье высказывается предположение, что он мог быть пленным, которому Осипова чем-то помогла, этим объясняется благодарственный тон его первых писем. Очевидно, что признательность вскоре перерастает в любовное чувство и щемящее предвидение неминуемой разлуки. В приложении к статье публикуются в извлечении письма графа 1812 и 1813 гг.

Ключевые слова: Карл Аскан граф Верри делла Бозиа, П. А. Осипова-Вульф, А. С. Пушкин, усадьба, Тригорское, 6-й (Баварский) пехотный корпус, война 1812–1813 гг.

Информация об авторе: Екатерина Евгеньевна Дмитриева, доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-9692-8329

E-mail: katiadmitrieva@mail.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 02.08.2026

Дата одобрения статьи рецензентами: 24.09.2026

Дата публикации статьи: 25.12.2026

Для цитирования: *Дмитриева Е. Е.* Тригорская барыня: загадка архивных материалов, хранящихся в Рукописном отделе ИРЛИ РАН // Два века русской классики. 2026. Т. 8, № 4. С. 354–385. https://doi.org/10.22455/2686-7494-2026-8-4-354-385

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 8, no. 4, 2026, pp. 354–385. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 8, no. 4, 2026, pp. 354–385. ISSN 2686-7494

Research Article and Publication of Archival Materials

© 2026. Ekaterina E. Dmitrieva
A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

The Trigorskaya Landlady: A Mystery of Archival Materials Stored in the Manuscript Department of the Institute of Russian Literature (Pushkin House), Russian Academy of Sciences

Acknowledgements: This work was carried out at IWL RAS with financial support of the Russian Science Foundation, project no. 22-18-00051-P, https://rscf.ru/project/22-18-00051/

Abstract: Among those who managed to brighten A. S. Pushkin's years in exile in Mikhailovskoye, P. A. Osipova-Vulf occupies a special place. Her involvement in his life in 1824–1825 is undeniable: she tried to protect the poet from family and other troubles. To this day, literary critics debate the question of her possible infatuation with Pushkin in 1825 and, as a result, her harsh treatment of her daughter Anna, whom she left at the Malinniki estate in Tver, not allowing her to return to Trigorskoye. The German letters of Karl Askan, Count Verri della Bosia, a Bavarian officer who, for reasons that remain unclear to this day, ended up in 1812 and 1813 in Trigorskoye, are kept in the Manuscript Department of the Institute of Russian Literature and shed a completely different light on the personality of Osipova-Vulf. The article suggests that he might have been a prisoner whom Osipova helped in some way, which is why the first letters addressed to her have a grateful tone. It is obvious that the gratitude soon develops into a feeling of love and a poignant anticipation of inevitable separation. In the appendix to the article, excerpts from the count's letters from 1812 and 1813 are published.

Keywords: Carl Ascan Graf Verri della Bosia, P. A. Osipova-Vulf, A. S. Pushkin, country estate, Trigorskoye, the 6th (Bavarian) Infantry Corps, the war of 1812–1813

Information about the author: Ekaterina E. Dmitrieva, DSc in Philology, Corresponding Member of RAS, Director of Research, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-9692-8329

E-mail: katiadmitrieva@mail.ru

Received: August 02, 2026

Approved after reviewing: September 24, 2026

Published: December 25, 2026

For citation: Dmitrieva, E. E. "The Trigorskaya Landlady: A Mystery of Archival Materials Stored in the Manuscript Department of the Institute of Russian Literature (Pushkin House), Russian Academy of Sciences." *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 8, no. 4, 2026, pp. 354–385. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2686-7494-2026-8-4-354-385

Из тех, кто оказался близок А. С. Пушкину в годы его Михайловской ссылки, наверное, самым неоднозначным и самым загадочным персонажем была хозяйка Тригорского — Прасковья Александровна Осипова-Вульф. Противоречивыми были отзывы о ней ее детей, одни из которых нешуточно ссорились с ней (Алексей Вульф), а другие (Анна Вульф) еще и утверждали, что она все их «судьбы исковеркала»[1]. Тригорские барышни, имевшие, казалось бы, все преимущества молодости, в середине 1820-х гг. видели в ней соперницу и ревновали к Пушкину. Но ведь это именно ей Пушкин посвятил свой первый лирический цикл «Подражание Корану» и ряд других стихотворений, именно в ней (а не в своей сестре, О. С. Павлищевой) хотел видеть в 1835 г. новую хозяйку Михайловского, и ей же почти в отчаянии тогда же написал: «Свет — это мерзкая куча грязи. Я предпочитаю Тригорское» [Пушкин: 686][2].

«Я на днях видела брата Алексея Вульфа, который сообщил мне странную особенность предсмертного *единственного* распоряжения своей матери, Прасковьи Александровны Осиповой — писала в 1859 г. А. П. Керн (тогда уже Маркова-Винорадская) П. В. Анненкову. — Она уничтожила всю переписку с своим семейством: после нее не нашли ни одной записочки ни одного из ее мужей, ни одного из детей!.. Нашли только все письма Александра Сергеевича Пушкина» (Курсив Вульфа — *Е. Д.*) [Керн: 336][3].

По счастью, кто-то из них ошибся, и для потомков оказались сохраненными не одни только письма А. С. Пушкина…

Сам Пушкин, как мы все хорошо знаем, познакомился впервые с Прасковьей Александровной, тогда еще просто Вульф (урожденной

[1] Письмо Анны Николаевны Вульф к Евпраксии Николаевне Вревской от 13 мая 1836 г. [Письма: 337].

[2] Письмо от 26 октября 1835 г. Оригинал на франц. яз.

[3] Письмо от 4 июля 1859 г.

Вындомской) в 1817 г., когда она была уже вдовой и матерью пятерых детей (Алексея, Анны, Евпраксии, Михаила и Владимира). Ко времени приезда Пушкина в Михайловскую ссылку она овдовела уже во второй раз. Ее второй муж Иван Сафонович Осипов скончался 5 февраля 1824 г., то есть за несколько месяцев до приезда Пушкина, причем не в Тригорском, а Берново. К детям от первого брака добавились еще две дочери от второго: Мария и Екатерина. Записок или писем ни первого мужа, Николая Ивановича Вульфа, ни Ивана Сафоновича Осипова, которые были бы обращены к Прасковье Александровне или ею к ним адресованы, действительно, не сохранилось. Оба они так и остались в тени этой яркой и незаурядной женщины, о которой остались столь противоречивые отзывы даже ее детей. Не без ехидства писала об Осиповой в ее роли супруги своего первого мужа все та же А. П. Керн:

> Это была замечательная партия: муж нянчился с детьми, варил в шлафроке варенье, а жена гоняла на корде лошадей или читала «Римскую Историю». Оба они, однако, были люди достойные любви и уважения [Керн: 104].

Впоследствии, и не без участия Керн, сложится легенда, что именно Н. И. Вульфа Пушкин изобразил в «Евгении Онегине» в облике старика Ларина. Несколько иную оценку в своем дневнике дал в 1827 г. отцу Алексей Вульф:

> Мой отец Николай Иванович Вульф, отставленный коллежским асессором, жил по обычаю большей части русских дворян у отца своего Ивана Петровича Вульфа в тверской деревне, не имея никакого постоянного занятия. Потеряв его очень рано (в 1813 году), я мало об нем помню, но сколько слышал, все знавшие его любили в нем человека с редкою добротою сердца и с тою любезностью в обращении, которая привлекала всех к нему; чувствительность его души видна была в нежной привязанности к своему семейству: он был равно почтительным сыном, как и нежным братом; любя своих детей, он был и добрым супругом. <…> Знакомый в лучшем кругу тогдашнего общества обеих столиц, он имел и образование, общее нашему высокому дворянству того времени, то есть, он знал французский язык, следственно, все, что на нем хорошего было написано. Я сам помню его декламирующим трагедии Расина [Вульф: 127].

Столь же благожелательно отзывался Вульф в дневнике и о своем отчиме Осипове, который, по его словам, «сделал мать счастливою» и с ее детьми был «лучше иного родного отца» [Вульф: 256]. Впрочем, были об этом браке с отставным почтамтским чиновником, с которым она прожила менее 8 лет, и другие суждения. Вопросом задавался ее дальний родственник Н. Н. Кашкин[1] в своих «Родословных разведках»:

> Что побудило ее, тридцатисемилетнюю женщину, к этому шагу и чем был обусловлен ее выбор, тем более странный, что Осипов был тоже вдовец и имел дочь Александру — остается загадкой. Можно думать, что она, утомленная хозяйственными заботами, искала помощника в них; можно предполагать и потребность сердца, разжигаемого чтением, которым она питалась, а misalliance ее объясним скудостью представлявшегося ей, почти постоянной жительницы деревни, выбора [Кашкин: 125].

Рискнем предположить, никак не настаивая на данной версии, что была у этого мезальянса, который, если верить сыну, сделал его матушку счастливой, еще одна причина. И крылась она в еще одном мужчине, появившемся в ее жизни между двумя браками, а точнее, на исходе первого (Николай Иванович Вульф умер в 1813 г. в своем имении Берново). Имя этого мужчины — граф Карл Верри де Бозио. А письма его (131 лист), адресованные на немецком языке П. А. Осиповой-Вульф и чудом уцелевшие, хранятся ныне в шифрованном фонде рукописного отдела Пушкинского дома в деле под номером 22892 (архив села Тригорского). Скорее всего, письма эти были привезены в 1902 г. либо Л. Н. Майковым, либо Б. Л. Модзалевским в составе бумаг, вывезенных ими из Тригорского и Голубово[2]. Однако в материалах, опубликован-

[1] Матерью Осиповой-Вульф была Мария Аристарховна Кашкина, вышедшая замуж за Александра Максимовича Вындомского.

[2] В протоколе заседания ОРЯС за 16 февраля 1902 г. упоминается о том, что вследствие запроса Отделения «относительно предоставления Академии наук владелицей села Тригорского баронессой С. Б. Вревской и владельцем села Голубова бароном А. Б. Вревским возможности ознакомиться с хранящимися там и имеющими отношение к А. С. Пушкину бумагами и книгами» земским начальником 1-го участка Опочецкого уезда Псковской губернии П. О. Карповым были сообщены «все необходимые сведения». «В том же отношении г. Карпов сообщает,

ных Б. Л. Модзалевским «по результатам его поездки летом 1902 г. в село Тригорское Псковской губернии», письма Бозио Осиповой-Вульф не значились [Модзалевский: 1–190][1].

О том, кем был автор адресованных хозяйке Тригорского писем, мы имеем крайне скудные сведения. Из немецких источников мы знаем, что он — потомок пьемонтской знати: предки его получили дворянство в 1724 г. от Виктора Амадея II Савойского, а после того, как его дед Йозеф Аскан Граф Верри делла Бозия (1756–1828) переехал из Альбы в Баварию, графский титул был признан баварским королем Максимилианом I. Сам Карл Аскан граф Верри делла Бозиа родился в Нойбурге-на-Дунае 26 мая 1790 г. Свое обучение он начал в 1803 г. в Королевском баварском пажеском корпусе и завершил 7 октября 1806 г. в звании лейтенанта лейб-гвардии. 31 мая 1806 г. он стал кавалером французского ордена Почётного легиона.

Далее в немецких биографических лексиконах выпадает почти десятилетие. Сообщается только, что в 1818 г. он — уже капитан от инфантерии, тогда же получает титул королевского камергера. В 1852 г. Карл Верри делла Бозио был награжден Рыцарским крестом Баварской Короны и российским орденом Станислава 2-й степени. В октябре 1853 г. он принял отставку в звании бригадного генерала 1-й армейской дивизии. Умер 2 августа 1878 г. в Мюнхене. В большую историю вошел его сын, Максимилиан фон Верри делла Бозия (1824–1909), по

что акад. Л. Н. Майков, будучи в селе Голубове, взял оттуда многое, что, по его мнению, было полезно для начатого им издания сочинений А. С. Пушкина» (СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 124. Л. 25–25 об.). В протоколе от 9 марта 1902 г. «председательствующий сообщил о получении письма из Парижа от барона А. Б. Вревского (8 марта 1902 г.) с уведомлением, что он и его сестра готовы принять Б. Л. Модзалевского в Голубове и в развалинах прежнего села Тригорского, куда барон и надеется возвратиться летом из-за границы» (СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 124. Л. 38об.–39). За сообщение данных сведений приношу искреннюю благодарность О. А. Кириковой.

[1] Б. Л. Модзалевским были опубликованы: 1. Каталог библиотеки села Тригорского. 2. Письма А. И. Тургенева к П. А. Осиповой. 3. Письма А. Н. Вульфа к А. Н. Вульф, 4. Выборки из писем А. П. Керн к А. Н. Вульфу. 5. Выборки из писем Е. Е. Кашкиной к П. А. Осиповой. 6. Стихотворение Н. М. Языкова к бар. Е. Н. Вревской. 7. Об имении Вульфов и Осиповых. 8. Выписки из месяцесловов и календарей. 9. Альбомчики А. М. Вындомского и П. А. Осиповой.

прозвищу Кюльберг фон Гансхайм унд Берг, активно принимавший участие в войнах, которые вела Бавария за свою независимость в ходе объединения немецких земель вокруг Пруссии, а затем, в эпоху второго Рейха, дослужившийся до звания генерал-квартирмейстера и инспектора военно-учебных заведений с 1883 по 1888 г.

В русской печати, насколько можно судить по имеющимся у нас данным, имя Бозио всплывает, кажется, впервые, в описании Б. Л. Модзалевским привезенных им из Голубово «альбомчиков», принадлежавших Прасковье Александровне: в их числе один «в красном сафьянном переплете <…> ею почти весь заполненный в 1810–1816 гг. [Модзалевский: 154]. Именно в этот альбом под датой *Тригорское 16 июля* (л. 34–34 об. альбома) вписал серию четверостиший собственного сочинения на немецком языке граф Карл Верри делла Бозиа, подписавшись криптонимом C. V. — Карл Верри. Криптоним был расшифрован Б. Л. Модзалевским, и им же опубликованы следующие стихи [Модзалевский: 155–156]:

Trigorski, 16-ten'July 1813.
Lied.
Ich lese in manchen Blicken
Der Zufriedenheit seltenes Glück
Und ich möchte nicht wieder so gerne,
Auch in mir empfinden die Ruh.

Doch vergebens fühl ich in mir
Für Liebe ein sanftes Gefühl
Mein Schicksaal lässt nie mir erreichen
Der Sehnsucht einziges Ziel.

Die Freuden des Häusslichen Glückes
Sie weilen entfernet von mir
Für mich ist ohne dem Glücke
Auf Erden nichts werthes mehr da.

Selbst in der fernsten Zukunft
Erblick ich kein lächelndes Bild,

Nur stete Schwermuth alleine
Ist mir von den Schicksaal bestimmt.

Drum schreckt mich auch nicht das Scheiden
Von hinnen in jenes Sein,
Und gelassen erwart ich die Stunde.
Die Ruhe dem Herzen ertheil.

Ниже предлагаем выполненный нами перевод:

У многих во взглядах я читаю
Редкое счастье довольства,
Но я бы не желал вновь,
Сам ощутить в душе подобный покой.

Но тщетно ищу я в душе
Нежное чувство любви:
Судьба не дает мне достичь
Заветной цели моих стремлений.

Радости домашнего счастья —
Как они от меня далеки;
Без этого счастья для меня
На земле нет ничего ценного.

И даже в отдаленном будущем
Не видится мне ни одной светлой картины,
Одно только постоянное уныние
Определила для меня судьба.

И потому меня не пугает переход
Из этого мира в иной
И спокойно я жду часа,
Когда покой исцелит мое сердце

Далее в альбоме следует запись, сделанная рукой П. А. Осиповой: “Den 16 September C. G. V. verlis Trigorski dem 1813 Jahr” («16 сентября

1813 года К.Г.В. покинул Тригорское»). Ниже еще одна запись: “Zum zweiten mal war es den 21 Nowembre das C.... schon wirklich Russland verliss; vieleicht um einmahl wieder auf dessen Boden zu treten” («Во второй раз это было 21 ноября, когда К… действительно покинул Россию; возможно, чтобы снова однажды ступить на её землю» (*нем.*) [Модзалевский: 156].

Кроме того, на лл. 53 об.–55 об. альбома 8 августа 1813 г. графом Верри были вписаны, как то определял Модзалевский, стихотворение “Der glückliche Bauer”, приписанное им Иоганну Мартину Миллеру (поэту-сентименталисту)[1]; под датой 29 сентября 1813 г. — “An die Abendstern”[2]; под датой 9 августа 1813 г. — “An Betty” (von Cramer)[3] и 12 августа 1813 г. “An des Vergissmeinnicht” («К незабудке»)[4] со следующей припиской П. А. Осиповой:

> und den 29 Jannuar erhielt ich aus B---- die nachricht von C. W., das er sich eine Lebens Gefärtin auserlöst hätte. 1815 Jahr
>
> а 29 января я получила из Б<ерлина?> известие о К<арле>. В<ерри>, будто бы он нашел себе спутницу жизни. 1815 год (*нем.*) [Модзалевский: 157].

Обратим здесь внимание на сослагательное наклонении “auserlöst hätte” («будто бы нашел»). Впрочем — и это как раз известно — 12 мая 1816 г. Карл Верри делла Бозио на самом деле женился — на Фридерике Катарине Йордис.

Совпадение ли то, что вслед за записями Карла на лл. 67 об.–69 следует еще одно стихотворение неизвестного автора с гораздо более ранней датой (1810 г.), но словно подводящее итог всему сказанному:

Винят меня в народе,
Велят ее забыть;
На что-ж закон в природе,
Коль Лилу не любить?

---

[1] «Счастливый крестьянин» (Миллер) (*нем.*).

[2] «К вечерней звезде».

[3] «Бетти» (Крамер) (*нем.*)

[4] «Незабудке» (*нем.*)

Какие-ж благи свѣту
Даны ко счастью дней,
Не Лилу-ли к предмету
Принес в дар сердце ей?

Пусть сердцем обладает
Умев ее хвалить,
Темъ сердцем управляет,
Кто мог ее любить.

Кто к Лилы равнодушен
Узреть и не любить,
И сердцу непослушен —
Жестоким можетъ быть.

Природой управляя,
Велишь ты мне молчать,
И в горести стеная,
Векъ долженъ я страдать.

Беседую с луною,
Грущу с тоской моей,
Вся мысль полна тобою
И дух весь преданъ ей

Клянуся алтарями
И небом и землей,
Клянуся я богами,
Клянуся и тобой,

Что в мире я не знаю
Других тебе сравнить;
Другого не желаю,
Как вечно вернымъ быть.

Вынь сердце изнуренно,
Исторгни дух ты мой, —

На нем изображенным
Увидишь образ свой.

Когда и то не тронет, —
Дай яд мне с рук твоих,
И сердце то, что стонет, —
Конец пределу их.
Альтон, 9-го августа 1810 г. от афтора (sic!)
[Модзалевский: 157–158].

Имя Карла Верри делла Бозио упомянуто дважды в «Пушкинской энциклопедии “Михайловское”»: в статье «Альбом (альбомы обитателей Тригорского)», где со ссылкой на Б. Л. Модзалевского он описан как «поклонник» Осиповой-Вульф, чьи стихи на немецком языке были внесены в ее альбом в 1813 г. [Пушкинская энциклопедия: 138].

Еще одно упоминание, более инновативного свойства, имеется в статье Л. В. Левковой «“Воспоминания Фридриха Маттисона”, Цюрих, 1810 [Пушкинская энциклопедия: 150]. На полях книги «Воспоминания Ф. Маттисона», имевшихся в библиотеке Тригорского, в печатном тексте пятой главы автором были обнаружены пометы, сделанные карандашом Осиповой, а «рядом чернилами, оставленные ее другом графом Карлом де ла Бозиа (вероятно, итальянцем немецкого происхождения)»:

> Содержание отмеченных отрывков, название главы («Зарубежные гости»), эпиграф в ней из любимого Осиповой немецкого поэта Х.-М. Виланда (1733–1813), название самой книги <…> — все вместе взятое свидетельствует о том, что книга «Воспоминаний» Маттисона была использована Осиповой и ее романтическим поклонником для объяснения в чувствах личной симпатии друг к другу [Пушкинская энциклопедия: 150][1].

Добавим к этому еще одно нечаянное совпадение: десятилетием позже сходным образом книга баронессы Ю. Крюденер «Валери, или Письма Густава де Линара Эрнесту де Г***.» послужит племяннице

[1] См. подробнее: [Левкова: 91].

Осиповой А. П. Керн и А. С. Пушкину для любовного диалога (книга также имелась в библиотеке Тригорского) [Вольперт: 77–109].

Кратко упомянут Карл Верри делла Бозио в статье Л. В. Герашко «Итальянские материалы в рукописном собрании Пушкинского Дома» [Герашко: 296, 322].

Остается загадкой (впрочем, может когда-то она будет разрешена), каким образом баварский офицер итальянского происхождения оказался в 1812 и 1813 гг. в Тригорском. Был ли он пленным офицером? (Некоторый намек на это в его письмах к Осиповой имеется). Или же, напротив, немецким офицером на русской службе, как это нередко бывало в те годы? Вспомним, что Бавария в 1806 г. одной из первых вступила в Рейнский союз, что повлекло за собой вхождение баварских войск в состав Великой армии и их активных действий вместе с французами на всех театрах войны, в том числе и в 1812 г. в России[1]. Собственно, именно в 1812 г. в походе в Россию приняли участие 11 баварских полков линейной пехоты, объединенные в 6-й (Баварский) пехотный корпус, которым командовал дивизионный генерал маркиз Сен-Сир, француз по происхождению. В двухдневной битве под Полоцком Баварский корпус потерял ранеными и убитыми 155 офицеров и 1807 солдат.

Когда Наполеон начал выводить войска из Москвы и отступать к границам, Баварский корпус также начал отступать, теряя в сражениях или от голода и холода своих солдат. В это время Король Баварии Максимилиан-Иосиф разорвал союз с Францией и присоединился к антинаполеоновской коалиции. Так что в 1813 г. баварские офицеры в России были вовлечены в военные действия в рамках Шестой коалиционной войны, которая шла против наполеоновской Франции, участвуя одновременно в освободительной войне в Германии[2].

Был ли Карл Верри делла Бозио среди них? Во всяком случае, письма его, адресованные П. А. Осиповой-Вульф, подтверждают его участие в маневренных действиях, в переживаниях и испытаниях, с этим связанных. Для нас, однако, не менее интересна и значима аффективная сто-

[1] Отметим попутно, что основным цветом мундиров баварской линейной пехоты, в которой служил Карл, был синий. Не этот ли цвет обыгрывается в стихотворении «К незабудке», вписанном Карлом в альбом П. А. Осиповой (см. выше).

[2] См.: [Богданович].

рона этой переписки, продлившейся не одно десятилетие (первое письмо делла Бозио датировано 1812 г., последнее — 1841-м г.). Ответные письма Осиповой, к сожалению, не сохранились, во всяком случае, нам они неизвестны, однако одни уже письма Карла позволяют судить о том, как могла воспринять Прасковья Вульф появление в своей жизни этого человека. И как тяжело далось им обоим расставание. Сопоставив письма «верного Карла» «любезной Паше», как он с определенного момента начинает и себя, и ее именовать, со стихами, внесенными им в ее альбом, можно понять, что отношения обоих явно выходили за рамки светского флирта или просто дружеских отношений. Как реагировали на верного Карла дети, о которых он постоянно вспоминает в своих письмах? И в особенности Alexis (Алексей Вульф). Однако в его бумагах имя Карла отсутствует.

Знал ли Пушкин, уже впоследствии подружившись с Осиповой, об этом заезжем госте? Не отозвалась ли их история, по принципу «от противного», в «Графе Нулине»? Того мы знать не можем и никогда не узнаем. Однако именно письма Карла Верри делла Бозио способны пролить свет на столь неоднозначную личность П. А. Осиповой-Вульф и, может быть, увидеть причину той неподдельной нежности, которую к ней испытывал также и А. С. Пушкин.

Ниже в извлечениях мы публикуем письма графа Верри делла Бозио П. А. Осиповой-Вульф, хранящиеся в Рукописном отделе Пушкинского дома[1], в оригинале и в переводе с немецкого языка. Особенности орфографии немецких писем и их синтаксиса в основном сохранены[2].

---

[1] РО ИРЛИ. № 22892. Л. 1–113.

[2] Приношу искреннюю благодарность Н. А. Бондарко и О. А. Кириковой, оказавшим неоценимую помощь в транскрипции немецких писем графа делла Бозио, написанных готическим шрифтом **куррент**, который в XIX в. использовался в государственных канцеляриях, школьном образовании и частной переписке. Первые четыре письма печатаются в переводе Н. А. Бондарко, остальные — в переводе Е. Е. Дмитриевой.

***

Geschrieben nachts 11 Uhr den
29ten May 1812. Opozcka

Gnädige Frau!

Vor wenigen Augenblicken wurde ich durch die Ankunft Ihres Bedientens schon unbeschreibbar überrascht, welches mir ein neues Zeugniß Jhrer für mich gränzenlosen Güte war, um so mehr aber mußte ich tief erschüttert werden über das Erhalten Ihres mir so werthen Brief[e]s, welchem Wohlthaten begleiten, wofür ich nur dankbar fühlen kann, denn hier finde ich mich wirklich zu schwach, um es mit der Feder ausdrücken zu können, doch kann ich mir je von meinem Schicksaal die Erfühlung meines innigsten Wunsches erwarten, so möchte es je selbe seyn, Jhnen die für mich so beruhigende und beglückende Überzeigung, ganz geben zu können, daß sie an keinen Unwürdigen Jhren Wohlhalten und Jhre mir ewig unvergeßliche herzliche Theilnahme an meiner Laage verschwendet haben.

Jch bitte herzlichst um Vergebung, daß ich Sie durch die Hastigkeit erschreckte, mit welcher ich Jhnen die mit mir vorfallende Veränderung mittheilte, allein mein Gefühl war hier über so ungeheichelt wahr, daß es mir unmöglich gewesen ist, da an eine Mäßigung anzubringen, wo so sehr mein Herz die Feder leittete, und es nun eben so wenig im Stande bin, da Freude in dem nemlichen Grade mich belebt, welche zur höchsten Stufe geleittet wird, da ich Jhnen selbe kund mache, und auch Theilnahme mir schmeicheln darf.

Es ist nemlich wohl andem, daß wir Opozcka verlassen müssen, doch mir glänzt so unverhofft ein Glücks-Stern, daß ich es wirklich kaum glauben kann, und noch stets für ein Traumbild halte, welches zu verliehren ich fürchte: denn wie konnte ich erwarten, daß der *Com[m]andant* selbst dem Dettenkoffen den Antrag machen würde, er wölle es billigen ihm als krank anzugeben, wenn er noch wünschte ferner hier zu bleiben, und auch dieses Anerbiethen auf mich aus dehnte, welches nathürlich ich mit unbegränzder Freude mit meinem Kameraden ergrieff.

Bis jetzt soll es noch ein Geheimniß bleiben, denn sonst kön[n]te es leicht unerfühlbar gemacht worden, weßwegen ich wirklich mich von einer Bangigkeit nicht befreien kann, bis nicht die Stunde der Abreise für mich glücklich vorbey ging, und ich mit Gewießheit hoffen darf, daß ich Jhnen beste Wohlthuterie, /: vergön[n]en Sie mir die Zufriedenheit, Sie so zu betitteln, als was Sie so wahrhaft für mich sind, und wie Sie mit unauslöschbaren Zeichen in mein Herz eingezeichnet sind : vielmal noch dankbar die Hände küssen kann, und Sie in meinem ersten Blick

unverken[n]bar lassen können, was ich fühle, und wie sehr ich den Werth Jhrer Güte zu hochachten und zu schätzen weiß.

Vermuthlich wird es noch zwey bis drey Tage hergehen bis der Transport abgeht, und Sie kennen sich hiemit denken, in welchen Stim[m]ung ich lebe. Das wäre grausam, wenn mir unbegränzte Freude und Hoffnung, Sie noch einmal zu sehen, durch einen feindseeliger Zufall zernichtet würde, doch ich will das Beste hoffen und nicht verzagen.

Leben Sie wohl, und nehmen Sie diese Zeillen ebenfalls gütig auf, als die ungezeichnete Darstellung der Gesinnung.

Jhres dankbarsten und aufrichtigsten Dieners.

Carl Verri Capt.

P.S. Jrer liebenswürdigen kleinen Familie bitte ich meine Empfehlung zu entrichten, besonders aber viel Schönes an den *Alescis*.

Перевод:

Писано ночью в 11 часов
29 мая 1812 г. Опочка.

Милостивая государыня!

Уже несколько мгновений назад я был неизъяснимо поражен прибытием Вашего слуги — и это было для меня новым свидетельством безграничной Вашей ко мне доброты; но куда более глубоко потрясло меня получение Вашего столь драгоценного для меня письма, каковому сопутствуют благодеяния, за кои я могу лишь чувствовать благодарность, ибо здесь я нахожу себя поистине слишком слабым, чтобы выразить это пером. Однако если мне когда-либо и суждено ожидать от моей судьбы исполнения сокровеннейшего моего желания, то пусть им будет — суметь полностью дать Вам то успокоительное и осчастливливающее меня убеждение, что не на недостойного Вы расточаете Вашу благосклонность и Ваше вечно для меня незабвенное, сердечное участие в моем положении.

Покорнейше прошу прощения за то, что встревожил Вас поспешностью, с коей сообщил Вам о происходящей со мной перемене; однако чувство мое было здесь столь неподдельно истинным, что мне было невозможно обуздать себя там, где пером моим водило само сердце, — и точно так же я ныне не в силах [сделать так], чтобы радость, оживляющая меня в той же мере, не достигла высочайшей своей степени, когда я Вам о ней возвещаю и когда могу льстить себя Вашим участием.

А дело все в том, что хотя, конечно, прискорбно, что нам должно покинуть Опочку, но для меня воссияла столь нежданно звезда счастья, что я поистине едва могу тому поверить и все еще принимаю это за сонное видение, лишиться коего я страшусь; ибо как мог я ожидать, что сам *комендант* сделает Деттенкоффу предложение — согласиться на засвидетельствование его больным, если он пожелает еще остаться здесь, — и распространит это предложение также и на меня, за кое я, разумеется, с безмерной радостью ухватился вместе с моим товарищем!

Доныне сие [обстоятельство] должно еще оставаться тайной, ибо иначе легко можно было бы помешать его исполнению; посему я поистине не могу избавиться от некоей тревоги, покуда не минует благополучно час моего отъезда и я не смогу с уверенностью надеяться, что смогу еще много раз благодарно лобызать руки Вам, лучшей моей благодетельнице (не откажите мне в удовольствии именовать Вас соответственно тому, какая Вы для меня воистину есть, и тому, как Вы неизгладимыми чертами запечатлены в моем сердце!), и дать Вам при первом же взгляде недвусмысленно узреть, что́ я чувствую и сколь высоко ценю и почитаю я достоинство Вашей доброты.

Вероятно, пройдет еще два-три дня, покуда отправится транспорт, и Вы можете себе представить, в каком я нахожусь расположении духа. Жестоко было бы, если бы безграничная моя радость и надежда увидеть Вас еще раз были уничтожены каким-либо враждебным случаем; однако я буду надеяться на лучшее и не предаваться унынию.

Прощайте, и примите эти строки столь же благосклонно, сколь беспритязательно изъявление чувств

Вашего благодарнейшего и искреннейшего слуги

Карла Верри, *капитана.*

P. S. Вашему любезному малому семейному кругу прошу засвидетельствовать мое почтение, а особливо [передать] всего самого доброго *Алексису*.

***

<б.д.>[1]

Gnädige Frau!

Ich bin unvermögend Jhnen mit Worte meinen Dank für Jhre mir unbeschreibliche Güte, aus zu drücken, allein desto mehr fühl ich es, und sie wird meinem Gedächtnieß nie entschwinden könne[n], wobey ich keinen herzlichen Wunsch mir denken kann, als daß ich doch im Stande sein möchte, Jhnen recht sehr meinen herzlichsten Dank er kenne[n] geben zu könne[n].

Seid Jhrer Abreise schmeichle ich mir stetsmit der angenehmen Hoffnung, daß sie recht wohl seyn werden, und glücklich in ihrem ländlichen Aufenthalt angekom[m]en sind.

Mir geht es hier nun sehr langweilig, denn Jhre Güte und Gnade hat mir so frohe Stunden gegeben, daß ich ungeheichelt mit Wahrheit sprechen nie kann, in Opozka ist mir nun alles wie ausgestorben.

Verzeihen Sie mir schliesslich meinen Zeillen, daß ich so frey bin, Sie mit diesen Zeillen zu belüstigen, allein ich baue auf ihre gütige Verzeihung, und bin mit unbegränzder Hochachtung

Jhr ergebenster Diener

Karl Verri *Capt.*

P. S. Verzeihen Sie mir auch meine eilige Schrift, allein ich wollte Jhre Leute nicht zu lange verweillen.

Перевод:

Милостивая государыня!

Я не в силах выразить Вам словами мою благодарность за Вашу неописуемую доброту, но тем более живо я ее чувствую, и она никогда не изгладится из моей памяти; при сем я не могу помыслить себе более сердечного желания, как только быть в состоянии дать Вам вполне ощутить мою глубочайшую признательность.

Со времени Вашего отъезда я лелею себя приятной надеждой, что Вы пребываете в добром здравии и благополучно прибыли в Ваше сельское уединение.

[1] В оригинале имеется помета карандашом неизвестного происхождения «1812 – 13 г.» На оборотной стороне письма запись на французском языке: “A Madame. / Madame de Wolf née de Witemskoi (Так! — *Е. Д.*)” «(Госпоже / Госпожа де Вольф урожденная де Витемская (Так! — *Е. Д.*)»

Мне же здесь теперь весьма тоскливо, ибо Ваша доброта и милость дарили мне столь радостные часы, что я могу без притворства сказать по истине: в Опочке для меня теперь всё словно вымерло.

Простите мне напоследок мои строки, за то, что я позволил себе такую вольность оными. Вас развлечь; но я полагаюсь на Ваше добродушное снисхождение и пребываю с безграничным почтением

Вашим покорнейшим слугой

Карлом Верри, капитаном.

P. S. Простите мне также мою поспешную руку, но мне не хотелось слишком долго задерживать Ваших людей.

***

Den 2ten Juny 1813.
Morgens ½ 7 Uhr

Beste gnädige Frau!

Niemand kann wohl mehr die Nachricht, daß Sie wirklich nicht diese Feiertage hieher kom[m]en, betrüben als mich, denn schon seyd zwey Tagen des ich stets in der freudigsten Erwartung, daß ich Sie gütigste Wohlhüterin zu meiner nun unumgänglich notwendigen Beruhigung und zu meiner in[n]igsten Zufriedenheit wieder zu sehen bekom[m]en möchte, worin ich mich also leider getäuscht fühle, doch ich lasse die Hoffnung nicht sinken, daß mir nicht sollte noch von der Zukunft dieses wahre Glück aufbehalten seyn, und suche hiemit hierin meinnen Trost.

Der Trasport ist zwar noch nicht von hier abgegangen, sondern erst bis kom[m] enden Mittwoch, weßwegen meine Beunruhigung mich stets noch beherrscht, doch ist selten um vieles gemindert, da ich mir wohl keinen Zufahl denken kann, der nun mir meine Zufriedenheit stöhren sollte, allein in dieser bösen Welt ist so manches bestim[m]t unwahrscheinlich, doch möglich kann es dabey den[n]och werden, und ist leider nun gar zu oft bey dem Angenehmen der Fahl.

Jch bin sehr beglückt zu wiessen, daß Sie blos ein Besuch hieher zu reissen verhindert hat, und ich kann mich hiemit mit Gewießheit den für mich so freudigen Gedanken überlassen, daß die besten Wohlthuterinn sich recht wohl befindete, und nicht minder ihre liebenswürdige Familie.

Haben Sie wohl! Möchte je von der Zukunft, Sie wieder zu sehen, recht bald vorbehalten seyn:

Jhrem dankbarsten und aufrichtigsten Diener

Carl Verri, *capt.*

An ihre Familie bitte ich mich zu empfehlen, und ihr von deutschem Einwohner einen herzlichen Gruß zu entrichten.

Перевод

Июня 2-го дня 1813 г.
Поутру в половине седьмого.

Премилостивейшая государыня!

Никто, конечно, как я, не может быть столь опечален известием, что Вы в сии праздничные дни сюда не прибудете, ибо вот уже два дни пребывал я в непрестанном радостнейшем ожидании, что вновь сподоблюсь узреть Вас, мою милостивейшую покровительницу, к совершенному моему успокоению, в коем ныне имею крайнюю надобность, и к моему глубочайшему удовольствию; в каковом ожидании, увы, и обманут. Однако ж не теряю надежды, что в будущем мне еще предстоит сие истинное счастие, и в том ищу себе утешения.

Транспорт отсюда еще не отбыл, но простоит до будущей среды, отчего моя обеспокоенность все еще не покидает меня совершенно, хотя и уменьшилась много, ибо я не могу вообразить случая, который бы ныне мог нарушить мое спокойствие; однако в сем дурном мире столь многое почитается невероятным, но притом может произойти и, увы, слишком часто это случается с делом приятным.

Я весьма счастлив знать, что единственно лишь визит помешал Вам предпринять путешествие сюда, и могу с уверенностию предаться столь отрадной для меня мысли, что моя дражайшая благодетельница пребывает в полном здравии, равно как и ее любезнейшее семейство.

Прощайте! Да будет угодно судьбе скорую возможность увидеть Вас вновь даровать

Вашему преданнейшему и покорнейшему слуге,

Карлу Верри, капитану.

Семейству Вашему прошу засвидетельствовать мое нижайшее почтение и передать им от немецкого жителя самый сердечный поклон.

***

Schilderung eines gehabten Traums zu Trigorski
den 8ten July 1813 gegen den Morgen.

Beym Begin[n]en des Traums kam es mir vor, als befünde ich mich im Wohnzimmer auf den Kanapen sitzend, alwo soeben Kaffe genohmen wurde, und wie ich denselben genoßen hatte, so befiehl mich ein ungewöhnlicher Anfahl vom Schlaff, so zwar daß es meine Freundin bemerkte, und mich hieß noch etwas zuruhen, allein ich gab ihr zu Antwort, daß es nicht nöthig wäre, sondern es würde vergehen, wenn ich blos ein wenig in die Luft ginge, um dieß nun zu bemerkstelligen verließ ich das Zim[m]er, und begab mich in den Garten, doch ich erreichte kaum dem *(sic!)* Saal im Freien, so überfiehl mich die Macht des Schlaffes noch mehr, und ich legte mich unter einem Baum, wo alsdan mir schien, ich wäre auf der Stelle in einen tiefen Schlum[m]er gesunken, aus welchem ich lange nicht erwachte.

Allein bey meinem Erwachen fand ich mich nicht mehr an nemlichen Ort, sondern ich sah mich in einer ganz andern Gegend versetzt, und zwar in einem Ort wo ich meinem Leben unentliche mal auf ein paar Stunden war, nemlich zu Tirol in einem kleinen Thal ohnweit Sterzing, das besonders sich durch seine romantisch milde Laage auszeichnet, und rings von steillen Felsen umgeben ist, wie auch sehr unbedeutend bewohnt wird, denn es befindet sich in selben *nur*[1] eine armseelige Seimhütte, von welcher eine Bank steht, auf ~~welcher~~ der ich nun lag, stat unter dem Schattigen Baum zu Trigorski. Anfangs konnte ich mich nicht gleich fassen, denn mir schien alles was ich sich für ein Schattenbild, und traute meinem Auge nicht, doch wie ich näher die Gegenstände betrachtette, so wurde es nur zur Wirklichkeit, und erkannte auch die Gegend nun mit dem Unterschied, daß auf einer Seite mir schien es stünde stat dem Felsen ein grüner Hügel auf welchem sich ein Weeg herum schlengelte, wie ich nun dieß alles so beobachte, so erscheint auf den kleinen Berg geritten mein schon im vorigen Jahr gestorbener Freund Graffenreith, dem ich entgegen eillen will, doch er winkt mir zu bleiben, kom[m]t herab, und giebt mir auf meine hastige Fragen warum ich hiersey zur Antwort, daß ich als Straffe die Bestimmung erhilt, da Leben zu müssen, fern von allem was mir werth ist, und zugleich die Sorge und Pflege für das Thal über nehmen müssen, wer es befahl sagte

[1] Вставлено поверх строки.

er nicht, sondern entfernt sich schnell. Kaum war er verschwunden, so hörte ich hastig schießen, und noch und noch zeigte sich vor meinem Blicke auf den nemlichen Hügel eine förmliche Vorstellung eines Gefechts, und wie sich es zeigt, daß es näher kom[m]en wollte, so verschwand es plötzlich, noch mehr erstaunnt wand ich mich gegen die Hütte, und ging in selbe, wo ich den Landmann mit seiner Familie traf, der mir sogleich meine Werkzeig zur Arbeit für die Zukunft reichte, und wie ich den soselbe betrachte, so entreißt mich dieser Betrachtung eine ungemein sanfte und angenehme Musik, ich springe aus der Hütte, und höre daß selbe ebenfalls vom Hügel her erschallt, weßwegen ich mich verwundert auf die Bank wieder niedersetze, und mit gespanten Erwartung die kom[m]enden entgegen sehe, doch wie der Schall so nah war, daß ich meinte ich müßte nun Menschen sehen, so verhallten die Töne plötzlich im Echo. Es ließ mir nicht Zeit mich dieser neuen Erscheinung zu erinnern, als ich den fröhlichen… <далее текст обрывается>

Перевод

Описание привидевшегося сна в Тригорском.
Июля 8-го дня 1813 г., под утро.

При начатии сна казалось мне, будто нахожусь я в гостиной, сидя на канапе, где только что принимали кофе, и как скоро я оный кофе выпил, напал на меня необычайный припадок сна, столь сильный, что приятельница моя то приметила и велела мне еще несколько отдохнуть; но я ответствовал ей, что в том нет надобности, а довольно будет, если я немного пройдусь по воздуху, дабы сие прошло. Для исполнения сего вышел я из комнаты и отправился в сад, но едва достиг я залы на вольном воздухе, как сила сна одолела меня еще пуще, и я лег под деревом, где затем показалось мне, что я в тот же миг погрузился в глубокий сон, от коего долго не пробуждался. Однако, пробудившись, очутился я уже не на прежнем месте, но увидел себя перенесенным в край совсем иной, а именно в места, где я в жизни моей несчетное число раз бывал по нескольку часов, — в Тироль, в небольшую долину близ Штерцинга[1], которая особливо отличается своим романически приятным положением, будучи окружена отовсюду крутыми скалами, и весьма скудно обитаема. Ибо находится в оной лишь одна убогая хижина, подле коей стоит скамья, на каковой я теперь и лежал вместо тенистого древа в Тригорском. Поначалу я не скоро мог опомниться, ибо все виденное мнилось мне призраком, и я не доверял глазам

[1] Тироль, в небольшую долину близ Штерцинга.

своим; но чем ближе я рассматривал предметы, тем более обращалось все в действительность, и я узнал ту местность, однако с тою разницей, что с одной стороны, казалось мне, вместо скалы высился зеленый холм, вокруг коего змеилась тропинка. В то время как я всё сие так наблюдал, является на холме верхом мой, еще в минувшем году скончавшийся, друг Граффенрейт[1], коему я порываюсь поспешить навстречу, но он подает мне знак оставаться на месте, сходит вниз и на мои торопливые расспросы, отчего я здесь, ответствует, что мне в наказание назначено жить здесь, вдали от всего, что мне дорого, и притом принять на себя заботу и попечение о долине. Кто повелел сие, он не сказал, но быстро удалился. Едва он исчез, как услышал я поспешную стрельбу, и мало-помалу представилось пред моим взором на том же холме форменное изображение *(л. 2об)* сражения; и когда казалось уже, что оно приближается, все вдруг рассеялось. В еще пущем изумлении обратился я к хижине и вошел в оную, где и встретил крестьянина с его семьею, который тотчас подал мне мои орудия для предстоящей работы; и в то время как я их рассматривал, отрывает меня от сего занятия необычайно нежная и приятная музыка. Я выбегаю из хижины и слышу, что оная раздается с того же холма; посему я в удивлении вновь опускаюсь на скамью и с напряженным ожиданием взираю навстречу грядущему; но когда звук сделался столь близок, что я полагал уже увидеть людей, звуки внезапно замерли в эхе. Не успел я осмыслить сие новое явление, как услышал радостный ……. *[Обрыв текста]*

***

№ 15. Geschrieben in dem Dorfe *Schmolewitzschi*[2].
Den 25ten December 1813…[3]

Theuerste Freundin!

Nachdem wir abermals nach alter Gewohnheit fünf Tage lang in Barisow verweillen mußten, so befinden wir uns nun Gottlob den zweiten Tag wieder auf der Reise, und ich kann sagen, daß es für mich die höchste Zeit war, denn ein längerer Aufenthalt wäre für mich bestimt zum Schaden ausgefallen, indem ich in meinem Quartier das Unleidlichste zu erdulten hatte. In den erstern Tage machte eine Juden-

[1] Неустановленное лицо.

[2] Возможно, неправильная транскрипция села Шмойлово Порховского уезда.

[3] Здесь и далее по тексту все многоточия расставлены автором писем.

Hochzeit den größten Specktackel, doch both selbe[1] auch die drolligsten Speren dar, allein die folgenden zwei war es zum davonlauffen, und ich mußte alle Gewalt anwenden, um der Macht einer wahren Melancholie die nöthigsten Gränzen zu setzen. Besonders trug hier eine neue gemachte Erfahrung das Wesentlichste bey, und diese ist, daß man nur am Tag vorm Abgang der Post einen Brief aufgeben kann, sonst wird keiner angenohmen, da nun gleich am Tag meiner Ankunft die Zeit war, so hat[2] mir auch das Schreiben nichts gefruchtet, denn bis zum nöchsten Termin konnten wir doch unmöglich hier festgesetzt sein.

Da ich nun weiß, wie es zugehen pflegt, so bringe ich hiemit vor, und fange zwei Märsche von Minsk mein Schreiben an[3], damit wenn es bey der Ankunft zur Abgab Zeit ist, ich selbe nicht versäumen kann.

Heute befinde ich mich zum wiederhollten mal in einem[4] Ort, wo ich auch vergangenen Jahr, und zwar in einer Lage, wo jede Schilderung weit von der Wirklichkeit zurickbleibt, war. Es giebt mir hinlänglich Stoff zum Nachdenken, und es belebt ordentlich doppelt meine Hoffnung, denn es ist doch bestimt unbegränzd wunderbar wie mannichfaltig der Wechsel oft statfindet, warum sollte es nicht möglich sein, daß sich diese nur mich umgebende undurchsichtige Vorworrenheit freundlich aufklären könnte…

Перевод

Дражайшая подруга!

После того, как нам снова пришлось по старой привычке задержаться на пять дней в Барисове[5], теперь, слава Богу, второй день мы снова в пути, и я могу сказать, что для меня это самое подходящее, ибо более длительное пребывание наверняка пошло бы мне во вред, ибо на квартирах вынужден был я терпеть самое невыносимое. В первые дни самым большим развлечением была еврейская свадьба, и она забавнейшим образом закончилась, но на двух последующих можно было от скуки умереть, и мне пришлось приложить все уси-

[1] Далее зачеркнуто: doch.

[2] Далее зачеркнуто: es.

[3] Глагольная приставка написана над строкой.

[4] Слово написано над строкой, в которой зачеркнуто: dem.

[5] Город Борисов на реке Березина расположен в 77 км к северо-востоку от Минска. Был ареной боевых действий в ноябре 1812 г.: в 15 км. северо-западнее Борисова, у деревни Студенка, была разгромлена армия Наполеона.

лия, дабы по необходимости обуздать надвигавшуюся на меня глубокую меланхолию. Тому в особенности способствовало сделанное важное открытие, заключившееся в том, что письма здесь можно передавать только за день до отправления почты, иначе никто их не примет, и поскольку этот день совпал с днем моего прибытия, то и писание письма мне ничего бы не дало, поскольку мы не могли оставаться здесь до необходимого следующего срока.

Теперь, когда я знаю, как это бывает, я порешил начинать писать письмо, находясь в двух маршах от Минска, чтобы иметь по прибытии время и не пропустить час отправления почты.

Сегодня я снова нахожусь в тех местах, где был в прошлом году, и в положении, всякое описание которого будет лишь слабым слепком с действительности[1]. Это дает мне достаточную пищу для размышлений и вдвойне укрепляет надежду, потому что безгранично удивительно видеть разнообразие происходящих перемен, почему же не должно случиться так, что окружающий меня тусклый хаос[2] вдруг дружески в отношении меня прояснится…

***

Den 26ten Oseritzschki…

Ich kann Ihnen nicht schildern, Liebe Herzens gute Freundin, wie gerechte Ursache ich habe voll Unwillen zu sein, denn weder gestern noch heute ist abermals meine Wohnung von der Art, daß ich mein sehnlichstes Verlangen zu schreiben stillen kann, indem als gestern ein wahrer Taubenschlag mir dargebothen ward, und heute raucht es zum Ersticken. Wie gerne wollte ich über nichts ernstlich klagen, wenn ich nur ein erträgliches Wohnort jedesmal erhilt, und dieses noch dazu allein bewohnen dürfte, denn wie unleidlich mir mit jedem Tag die große Umgebung wird, kann ich nur fühlen, nicht sagen…

Ich tauge einmal nicht in *die wahre allgemeine Welt*, und gebe mir täglich mehr die Probe, daß wenn mich auch die Nothwendigkeit unausmeidlich in selbe verbannt, ich mich doch nie finde, noch jemals finden werde.

---

[1] По-видимому. Эту фразу можно понять как воспоминание о переправе через Березину, в которой участвовал Карл Верри делла Бозта.

[2] В оригинале: undurchsichtige Vorworrenheit. По-видимому, аллюзия на известный философский фрагмент Новалиса *"Die Verworrenen und Geordtenen"*.

Beste Praskowia (*Alexandrowna*[1]) In wenigen Tagen beschließen auch Sie ein Jahr, in welchen Ihnen von der Vorsehung eine schwere Prüfung aufgelegt ward, möchte im folgenden selbe Ihnen mit milder Hand dasjenige darreichen, was Ihrer Ruhe und Bestem das Zweck mäßigste sey, dies ist der herzlichste und innigste Wunsch Ihres Karls, der obwohl ihm die vollkommste Überzeigung einzig belebt, daß seine theuerste Freundin ihm unveränderlich in Ihrer Gesinnung bleibt, doch die Wiederhollung seiner Bitte um dieses Glück sich nicht versagen kann. Wie sehr martert mich oft der Gedanken, daß ich noch niemals im Stande war Ihnen nach meiner eignen Idee zu beweisen, wie gränzenlos ich mich sehen Ihnen nützlich sein zu können.

Es gehört auch unter die Zahl einer Unmöglichkeit, und ich muß gestehen, daß mir für meine ganze Ankunft der wünschenswerthteste Trost geraubt ist, wenn es so bleibt…

Wie ewig lange kommt mir doch die Zeit[2] vor, und morgen[3] kommen wir erst nach Minsk, dann haben wir noch 19 Märsche ohne 6 Rasttag nach Breslatowski. Was mir auch noch besonders unangenehm ist, besteht darin, daß unser Führer von Pleskow in Barisow abgelößt wurde, weil er mit der Croaten einen andern Weeg einschlug. Ich hätte nehmlich einen sichern Brief von B. Ihnen schicken können.

26-е. Озерички…

Я не могу описать вам, добрая сердечная моя подруга, по какой извинительной причине я погружен в полнейшую апатию, потому что ни вчера, ни сегодня моя квартира не была таковой, чтобы я мог удовлетворить свое самое страстное желание писать, ибо вчера поселили меня в настоящую голубятню, а сегодня дым стоит такой, что можно задохнуться. Как бы мне хотелось ни на что всерьез не жаловаться, если бы только каждый раз имел я сносное жилье и имел возможность размещаться в нем один, потому что, как с каждым днем мне невыносимее становится большое окружение, я могу только прочувствовать, но не высказать…

Однажды не вписавшись в *действительный умопостигаемый мир*[4], я с каждым днем все более убеждаюсь, что если даже необходимость неизбежно загонит меня в него, я все равно никогда себя там не найду и никогда не смогу себя найти.

---

[1] В тексте слово подчеркнуто пунктиром.

[2] Далее зачеркнуто: lang.

[3] Слово исправлено, было: morgens.

[4] Возможный парафраз одной из философских идей Платона.

Бесценная Прасковья (*Александровна*) через несколько дней вы тоже завершите год, в котором провидением было возложено на вас тяжелейшее испытание, в грядущем году хотел бы я с легкой руки пожаловать (пожелать) вам то, что могло бы стать залогом вашего спокойствия и благоденствия, это самое сердечное и сокровенное желание вашего Карла, который, несмотря на единственно одушевляющую его веру в то, что его дражайшая подруга в своем расположении к нему останется неизменной, не может отказать себе и вновь не испрашивать для себя это счастье. Как часто меня мучает мысль, что я никогда не был в состоянии доказать вам, следуя моему собственному разумению, насколько безгранично считаю я себя способным быть вам полезным.

Это также относится к разряду невозможного, и я должен признаться, что у меня за все время моего приезда похищено самое желанное утешение, если так будет продолжаться…

Мне кажется, что время тянется вечно, и завтра мы только доберемся до Минска, а далее нам предстоят еще 19 маршей без 6 дней отдыха до Брестовски[1]. Что мне особенно неприятно, так это то, что наш начальник из Плескова[2] был сменен в Борисове за то, что вместе с хорватами последовал другой дорогой. Я мог бы тогда послать вам письмо из Б. с более надежной оказией.

***

Minsk d. 27ten Abends ½ 8 Uhr…[3]

Liebe Freundin! Dieß mal wird mein Brief ein wahres Reise-Jurnal, denn kaum schreibe ich an einem Ort etliche Zeillen, so werde ich der Gestalt unterbrochen, daß was ich mich auch bemühe, ist es doch eine Unmöglichkeit fortzusetzen. Wir kommen heute Nachmittags 3 Uhr hier an, und der Eintritt versprach abermals keinen erfreulichen Aufenthalt, doch machte sich die Sache noch so, daß ich wenigstens insofern zufrieden bin, weil es wenigstens ruhiger als wie gewöhnlich zu geht… Auch hier erinnert mich… manches recht sehr unangenehm an die Vergangenheit, und ich fühle doppelt wie gut es sich für mich geendet hat…

---

[1] Брест-Литовск, нынешний Брест. В 1795 г. Брест-Литовск вошел в состав Российской империи. До этого был в составе Речи Посполитой.

[2] Пскова.

[3] Так в тексте.

Ich wollte Ihnen schon in meinen vergangenen Briefen einen zu späten Gedanken von mir mittheilen, und dieser in Hinsicht einer noch sehr guten Gelegenheit mir Briefe schicken zu können. Welche darin besteht, daß Sie selbe nur Joseph geben dürfen, der leicht erfahren kann, wenn LandsLeute von mir Ihre Gegend paßiren, kennt unter selben nur einer mich, oder ist er selbst von meinem Regiment, so[1] kann obbenannter brave Geist ohne Bedenken sie übergeben…

Hier wiederholle ich Ihnen noch einmal von wo aus ich an Sie Briefe abschickte bis hieher. Von *Sebis*[2]. *Polotzk. Lepple Barisow*. Da nun die Posten sehr gut im Stande sind, so zweifle ich[3] nicht an dem richtigen Erhalten. Wenn Sie diesen bekommen, das umso mehr bestimt sein muß, weil ich ihn auf einer Gouvernement Posthaltung aufgebe, und es fählt einer von denen angezeigten, so können Sie sich gleich dorthin mit einer Anfrage wenden…

Wie ist es nicht lieb, daß als morgen durch Zufahl schon wieder die Aufgabszeit ist, indem ich meinen hiesigen Aufenthalt ganz zum Schreiben verwendet haben möchte. Doch hier bin ich überzeigt macht man mit der Aufgabe eine Ausnahme, und niehmt sie an jedem Tag an. Denn für einer durchreisenden wäre dieß oft sehr bedeutend unangenehm…

Es reut mich nun recht sehr, daß ich von meiner Abreise an den Herrn Kaufmann Ambourger nach Archangel nicht mehr geschrieben habe, indem ich nur in Erfahrung gebracht[4], daß selbe folgender maßen verfahren. Sie setzen nemlich dreimal das anverlangte Individium in die Petersburger Zeitung[5], erfolgt nun hierauf keine Anmeldung an Sie, so berichten Sie zurick, daß sich selbes nicht mehr vorfindet, und was vermuthet man nathürlich anders, als es sey verstorben. Ich muß gestehen, es bangt mir ordentlich, wenn ich denke, daß meine arme Mutter, da unser Mensch so langsam geht, noch vor meiner Ankunft, durch eine falsche Meldung von dort in Sorge gesetzt werden kann.

Freilich werde ich nicht unterlassen, so bald als nur immer möglich Sie wegen meiner der Ungewießheit zu entreißen, doch beßer ist beßer…

Werthe Freundin! Wie oft denke ich mir[6], Sind[7] aber auch in diesem Augenblick alle die nur so theuere Seelen recht wohl, fühlt keinem nichts. O könnte ich mir

---

[1] Далее зачеркнуто: darf ob.

[2] Далее зачеркнуто: Lepple.

[3] Далее зачеркнуто: gar.

[4] Далее зачеркнуто: habe.

[5] Далее зачеркнуто: dreimal.

[6] Далее зачеркнуто: ist.

[7] Далее зачеркнуто: Sie.

nur diese Überzeigung vollkommen geben, wie unaussprechlich glücklich würde[1] ich mich nennen.

Mein Wohlsein ist noch stets von der Art, daß man es nicht beßer sich wünschen kann.

Ich denke mir nemlich, daß sich die **AJ.** noch bey Ihnen befindet, und da ich jede Unbilde von Herzen der Vergessenheit weihe, so können Sie auch überzeigt sein, als[2] ich sehr wünsche, daß selbe es ebenfalls sein möchte, wie ungeheuchelt ich Ihr [nicht minder][3] zum kommenden neuen Jahr und zu Ihrem Geburtsfeste um 9ten Jäner Glück wünsche.

Hat kein Magnet noch nicht angezeigt, wo sich das Verlohrengegangene befindet. Wie träumt es einstmal recht närrisch davon…

Auch mir will es bis jetzt noch nicht aus dem Kopf, doch immer niehmt die Ruhe deßwegen mehr zu als ab, und ich glaube die Errinnerung daran wird nur recht bald gar nicht mehr auffallend sein…

Für heute muß ich schliessen, weil meine doch wieder ansennliche Schlaffgeselschaft zu Ruhen wünscht, und sich nach Dunkelheit sehet, daher ich mein Lämpchen auszulöschen genöthiget bin. Da heißt es[4] halt Geduld bringt Rosen. Ich hoffe morgen Abends wird sich alles in den großen Geseelschaften zerstreuen und mir wird das Terrain dann frey bleiben.

Die Trennung von der alten Verbindung dauert noch stets fort, doch ist die Gegenseitige Begegnung von der Art, daß man meint es sey gar nichts zur Veränderung vorgefallen. Selbst bis jetzt kam es nicht zur Sprache deßwegen, und es bleibt auch wie ich denke so… Ich bin nun recht froh, daß ich kein eigens Pferd besitze, denn es wäre mir wirklich zur Last…

Die lieben Kinder küsse ich wie immer unzähligemal in Gedanken herzlichst. Täglich stelle ich mir selbst vor, und mache mir ein Bild von Ihrer Freude an der steten Vervollkommnung, die Sie so sehr unverkenntliche bemerken können.

Leben Sie wohl Theuerste beste Freundin.

Es grüßt Sie herzlichst.

Ihr wahrer Freund Carl.

---

[1] Слово написано над строкой, в которой зачеркнуто: [kennte].

[2] Слово исправлено, ранее было написано: wie.

[3] Взятые в квадратные скобки слова написаны над строкой, в которой зачеркнуто: ebenfalls.

[4] Слово написано над строкой.

Перевод

Минск, 27-го, вечер, половина восьмого…

Дражайшая подруга! На этот раз мое письмо станет настоящим журналом путешествий, потому что едва я напишу несколько строк в одном месте, как меня останавливает то, что, к чему бы я ни стремился, не может иметь продолжение. Мы прибыли сюда сегодня в 3 часа дня, и вступление <в город> снова не обещало здесь приятного пребывания, но все же для меня дело обстоит так, что я в этом отношении доволен, потому что, по крайней мере, здесь спокойнее, чем обычно… И здесь также многое вызывает воспоминания… и весьма неприятные, о прошлом, и я вдвойне ощущаю, насколько хорошо все это закончилось для меня…

Я хотел поделиться уже в своих прошлых письмах с вами одной своей запоздалой мыслью, и также ввиду очень хорошей возможности получать от вас письма. <Возможность> заключается в том, что вы сами можете передавать их только Иосифу, который может легко узнать, когда мои соотечественники проходят через вашу местность, если же среди них кто-то знает меня, или сам он служит в том же полку, то вышеупомянутый храбрец может без колебаний их передать…

Здесь я еще раз повторяю вам, откуда я отправлял вам письма до сих пор. Из *Себиса*[1], *Полоцка, Лепле*[2], *Барисов*[3]. Теперь, когда почта отлично работает, я не сомневаюсь в своевременном их получении. Когда вы получите это письмо, в чем тем более можно быть уверенным, что я отправляю его с губернской почтовой станции, и если заметите, что одно из тех, что я указал, отсутствует, можете сразу же обратиться туда с запросом…

Как неудачно, что по нечаянному стечению обстоятельств завтрашний день у меня снова занят, в то время как я хотел бы полностью посвятить свое здешнее пребывание писанию писем. Но здесь я уверен, что если для того, кто выполняет поручение, делается исключение, то поручений этих с каждым днем прибавляется. И для тех, кто находится в пути, это часто бывает весьма неприятно…

Теперь я очень сожалею, что не написал о своем отъезде господину Кауфман Амбургеру в Архангельск, особенно когда узнал, как он поступил. Трижды помещается в петербургской газете запрошенное имя, если никто не откликнется на него, то следует оповещение, что этого человека больше нет, и, конечно, трудно предположить что-либо иное, чем то, что он умер.

---

[1] Себежа.

[2] Лепель, уездный город Витебской губернии.

[3] Борисов.

Должен признаться, я очень огорчен, когда думаю, что моя бедная матушка, поскольку друг наш перемещается слишком медленно, может быть обеспокоена ложным сообщением оттуда, поступившим еще до моего прибытия.

Конечно, я без устали буду стараться, как только будет представляться подобная возможность, выводить ее из своего состояния неведения в отношении меня, но чем лучше, тем хуже…

Дражайшая подруга! Как часто я спрашиваю себя, пребывают ли в благополучии в этот момент дорогие мне люди, не нуждаются ли они в чем-либо? О, если бы я только мог полностью в том убедиться, каким невыразимо счастливым я бы назвал себя.

Мое благополучие по-прежнему такого рода, что лучшего и желать нельзя.

Я, конечно, полагаю, что АЙ все еще у вас, и, поскольку я искренне предаю забвению все несообразности (безобразия), вы также можете быть уверены, чего я искренне желаю, чтобы то же самое смогли сделать и вы, убедившись, сколь нелицемерно я желаю Вам [не менее] счастья в грядущем новом году и ко дню Вашего рождения 9-го января.

Никакой магнит еще не указал, где находится то, что утрачено. Как же глупо порой мечтается об этом…

У меня это тоже до сих пор не выходит из головы, но спокойствия от этого становится все больше, а не меньше, и я думаю, что воспоминание об этом очень скоро перестанет быть сколь-либо примечательным…

На сегодня я вынужден закончить, так как моя, ставшая уже снова довольно многочисленной ночная компания хочет отдохнуть и жаждет темноты, из-за чего я вынужден погасить свою лампу. Что ж, терпение и труд всё перетрут. Надеюсь, завтра вечером все рассеются по большим компаниям, и пространство для меня будет свободно.

Разрыв с прежними отношениями все еще продолжается, однако взаимные встречи проходят так, что можно подумать, будто ничего не изменилось. До сих пор эта тема даже не поднималась, и, думаю, так оно и останется... Я очень рад, что у меня нет собственной лошади, потому что для меня это было бы действительно в тягость.

Милых детей я, как всегда, бесчисленное множество раз мысленно целую от всего сердца. Я ежедневно представляю себе и рисую в воображении ту радость, которую вы испытываете от непрерывного <их> совершенствования, что вы так отчетливо можете наблюдать.

Будьте счастливы, моя дражайшая, лучшая моя подруга.

От всего сердца приветствую Вас.

Ваш верный друг Карл

Список литературы

Источники

Вульф А. Н Дневники (Любовный быт пушкинской эпохи). Со статьей М. И. Семевского «Прогулка в Тригорское» / ред. и вступ. ст. П. Е. Щеголева. М.: Федерация, 1929. 446 с.

Керн А. П. Воспоминания. Дневники. Письма. М.: Правда, 1989. 480 с.

Модзалевский Б. Л. Поездка в село Тригорское в 1902 г. (Отчет Отделению Русского языка и словесности Императорской Академии Наук) // Пушкин и его современники. Материалы и исследования. СПб.: Тип. Импер. Академии наук, 1903. Вып. 1. С. 1–190.

Письма Анны Николаевны Вульф к баронессе Е. Н. Вревской и П. А. Осиповой / публ. и ред. М. Л. Гофмана // Пушкин и его современники. Материалы и исследования. Петроград: Тип. Имп. Акад. наук, 1915. Вып. XXI–XXII. С. 311–354.

Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. Л.: Наука, 1979. Т. 10. 711 с.

Исследования

Богданович М. История войны 1813 года за независимость Германии: в 2 т. СПб.: Альфарет, 2012.

Вольперт Л. И. Загадка одной книги из библиотеки Пушкина: Пометы на романе Ю. Крюденер “Valérie” // Пушкинский сборник. Псков: б. и., 1973. С. 77–109.

Герашко Л. В. Итальянские материалы в рукописном собрании Пушкинского Дома // Dagli archivi romani agli archivi pietroburghesi. Nuovi materiali = От римских архивов к архивам петербургским. Новые материалы / под ред. Д. Джулиано, А. Б. Шишкина; введ. А. Б. Шишкина. Roma: Valore Italiano Editore, 2024. С. 291–447.

Левкова Л. В. Автограф и пометы П. А. Осиповой на книге из ее библиотеки // Псков. 1998. № 9. С. 91.

Кашкин И. Н. Родословные разведки: в 2 т. / под ред. Б. Л. Модзалевского. СПб.: Отпеч. на средства Н. С. Кашкина, 1912–1913.

Пушкинская энциклопедия «Михайловское»: в 3 т. с. Михайловское: Кириллица; М.: Консул-СКС, 2003. Т. 1. 447 с.

References

Bogdanovich, M. *Istoriia voiny 1813 goda za nezavisimost' Germanii: v 2 t.* [*History of the War of 1813 for German Independence: in 2 vols*.]. St. Petersburg, Alfaret Publ., 2012. (In Russ.)

Vol'pert, L. I. "Zagadka odnoi knigi iz biblioteki Pushkina: Pomety na romane Iu. Kriudener 'Valérie'." ["The Mystery of a Book from Pushkin's Library: Annotations in Juliane von Krüdener's Novel 'Valérie'."]. *Pushkinskii sbornik* [*Pushkin Collection*]. Pskov, [s. n.], 1973, pp. 77–109. (In Russ.)

Gerashko, L. V. "Ital'ianskie materialy v rukopisnom sobranii Pushkinskogo Doma" ["Italian Materials in the Manuscript Collection of Pushkin House"]. *Ot rimskikh arkhivov k arkhivam peterburgskim. Novye materialy* [*From Roman Archives to St. Petersburg Archives: New Materials*]. Roma, Valore Italiano Editore Publ., 2024, pp. 291–447. (In Russ.)

Levkova, L. V. "Avtograf i pomety P. A. Osipovoi na knige iz ee biblioteki" ["Autograph and Annotations by P. A. Osipova in a Book from Her Library"]. *Pskov*, no. 9, 1998, p. 91. (In Russ.)

Kashkin, I. N. *Rodoslovnye razvedki: v 2 t.* [Genealogical Investigations: in 2 vols.], ed. by B. L. Modzalevsky. St. Petersburg, printed with funds from N. S. Kashkin, 1912–1913. (In Russ.)

Pushkinskaia entsiklopediia "Mikhailovskoe": v 3 t. [*Pushkin Encyclopedia "Mikhailovskoye": in 3 vols.*], vol. 1. Mikhailovskoe, Kirillitsa Publ., Moscow, Konsul-SKS Publ., 2003. 447 p. (In Russ.)